

РЕЖИССЕР АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВ:

01 → «Здание, которое у нас хотят отобрать, сделано руками людей театра»

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВ: Но ведь я, наверное, тоже ему кажусь лукавым, судя по его лукавым действиям. И мне, подписавшему иск, хотелось верить, что государство у нас строится демократическое, что оно не создано для утоления претензий небольшой группы людей. Но когда я стал судиться с комитетом по культуре, то понял, что демократическое государство у нас только в проекте. Когда мы этот иск выиграли, на нас начались гонения. И раньше Худяков нас впрямую извещал, что мы должны забрать иск, а если мы не заберем, то у нас отберут студию на Поварской.

ИЗВЕСТИЯ: В Москве довольно много театров, которым можно предъявить самые разнообразные претензии по репертуарной политике, количеству премьер в сезоне, успеху у публики, заполняемости зрительного зала... Почему, как думаете, именно на ваш театр обратили столь пристальное внимание?

ВАСИЛЬЕВ: Попытки отобрать здание у театра «Школа драматического искусства» имеют свои, вполне конкретные причины. Они таковы: оспаривая распоряжение правительства Москвы, которое лишило наш театр общегосударственного статуса, театр подал иск, что в демократическом государстве нормально. Ведь моим артистам нужно где-то жить. Так уж устроено: человек должен где-то жить. Ну а кто из актеров может заработать на квартиру?

Я не имею никаких личных претензий к председателю комитета по культуре города Москвы Сергею Ильичу Худякову, хотя человек он лукавый. Но ведь я, наверное, тоже ему кажусь лукавым, судя по его лукавым действиям. И мне, подписавшему иск, хотелось верить, что государство у нас строится демократическое, что оно не создано для утоления претензий небольшой группы людей. Но когда я стал судиться с комитетом по культуре, то понял, что демократическое государство у нас только в проекте. Когда мы этот иск выиграли, на нас начались гонения. И раньше Худяков нас впрямую извещал, что мы должны забрать иск, а если мы не заберем, то у нас отберут студию на Поварской.

ИЗВЕСТИЯ: Как это происходило?

ВАСИЛЬЕВ: Сергей Ильич пригрозил: «Если не заберете иск, то быстро лишитесь Поварской». Надо понимать так: если отдадите имущество — займаетесь творчеством, не отдадите — разрушим ваш организм. Он озвучил ситуацию на совещании 14 февраля этого года по итогам работы театра в 2004 году. В присутствии многих сотрудников комитета по культуре! Иначе так стукнем, что мало не покажется: камня на камне не оставим от театра. Вы представляете, на каком уровне идет разговор?

Я думаю, нам стоит расширить проблему. Ведь мой случай свидетельствует о глобальных, очень нехороших процессах в нашем отечестве, он находится в ряду других, столь же вопиющих случаев. Мы должны признать, что мы находимся в периоде глобальной культурной катастрофы в России. И это уже нельзя замалчивать. По дороге строительства нового российского общества добывается дубинкой то, что создавалось веками: образование, наука, врачебное искусство, художественные искусства, театральное дело, музеи, библиотеки... Хочется крикнуть «Караул!» Но нет никакой объединяющей силы, нет группы людей, которые могли бы громко сказать: «Остановите ваши намерения, господа! По дороге к лучшей жизни вы вырубаете леса, посаженные не вами. Вы вырубаете людей — врачей, учителей, деятелей науки и культуры. Вы вообще знаете о том, что людям жить хочется? И по ушам ходить хочется, не думая, что тебя пришибут. И театром заниматься хочется, и на сцену выходить...»

ИЗВЕСТИЯ: У вас ведь уже пытались отобрать здание театра на Сретенке после такой мифической истории: мэром Москвы Юрий Лужков, проезжая мимо вашего театра, увидел, что там не горят окна, рассердился и повелел разобраться.

ВАСИЛЬЕВ: Это история не мифическая, а комическая. Не стоит о ней и вспоминать, чтобы этой притчей не компрометировать

мэра. Выходит, дело было так: мэром ехал мимо здания театра «Школа драматического искусства», очевидно, в сторону метро «Бабушкинская», повернул голову, брови его поднялись, он снял кепку и сказал: «Не горят окна в театре!» Чуткий шофер остановил машину и записал реплику мэра. А мэра, которого везли дальше, шептал: «Я ведь его так уважал, так уважал...» И на следующий день шофер передал в московское правительство: «Проезжая мимо театра «Школа драматического искусства», мэром изрек: «Не горят окна!» И завертелось все дело. Ну кто может поверить в это? У Юрия Михайловича есть гораздо более серьезные проблемы, чем Васильев, его театр и темные окна в здании. Конечно, все это инициировали другие люди.

ИЗВЕСТИЯ: Но тогда вам удалось повернуть ситуацию в пользу театра.

ВАСИЛЬЕВ: Тогда удалось, но кто-то это дело положил под сукно. И дело о Сретенке проследило дело о Поварской, которое, в свою очередь, началось с дела об обезжирении.

ИЗВЕСТИЯ: Тогда здание театра на Сретенке планировали отдать театру Петра Фоменко, но тот отказался.

ВАСИЛЬЕВ: Вот так захотели Анатолия Александровича поссорить с Петром Наумовичем. Может быть, мы сами выясним, какой театр нам близок, какой далек? Все-таки возрастом мы оба не сильно отличаемся, вместе прожили советскую жизнь, что нам родиться талантами?

Такие действия со стороны чиновников я называю самоуправством. Я бы не хотел иметь такое руководство. И что мне объяснят чиновникам от культуры — что мой театр имеет серьезное художественное направление? Я бы даже хотел «обилетить» чиновников, которые по должности должны любить культуру, но, кажется, любят что-то совсем иное, пригласить их в театр — и пусть они посмотрят, пусть хоть один раз увидят, что и как здесь происходит.

«Разговоры об «эффективном театре» напоминают мне дискуссии о размере презервативов»

ИЗВЕСТИЯ: Учредитель ведь имеет право принять решение использовать здание в иных целях — в этом нет ничего незаконного, если посмотреть на дело без эмоций.

ВАСИЛЬЕВ: Имеет. Но я не знаю, имеет ли учредитель право лишать нас здания в тот момент, когда он нам проиграл суд и подал апелляцию. Ведь судебный процесс продолжается, и имеет ли право учредитель, то есть ответчик, угрожать реорганизациями, проверками и так далее в тот момент, когда судебное дело не завершено?

«Угрозы надо понимать так: если отдадите имущество — займаетесь творчеством, не отдадите — разрушим ваш организм»

Всем тем, кто подписывается под документом о реорганизации моего театра, я хотел бы объяснить, что этот дом построен руками людей театра — их мыслями, желаниями, бессонницами. И двести тридцать квадратных метров убогого подвала превращены в театр-лабораторию. И я всегда мечтал, что когда-нибудь это будет музей: ведь мы были первыми, кто выехал после рестройки в Европу, первыми, о которых Европа узнала, и весь андерграунд оказался в подвале на Поварской. В курсе ли этого те, кто поддерживает решение о реорганизации?

ИЗВЕСТИЯ: Я думаю, у многих возникает такой вопрос: а два здания — это не много ли для одного театра?

ВАСИЛЬЕВ: Но здание на Поварской — родовое! Конечно, оба здания «де-юре» принадлежат Москве, с этим никто не спорит. Но благодаря нам это здание стало частью теат-

ральной культуры России, а может быть, и европейской, и в этом смысле оно по факту — собственность театра. И что, так просто можно нам сказать: «Которые тут временные — слазь!» Я разве временщик — «лаборатория-школа-театр» на двух территориях — моя работа.

ИЗВЕСТИЯ: Насколько я понимаю, художественных претензий к вам не имеют, но упрекают в неправомерной, «неэффективной» эксплуатации здания.

ВАСИЛЬЕВ: Я вообще не понимаю, что такое «эффективный театр». Такие разговоры напоминают мне дискуссии о размере презервативов. Я могу сказать только то, что у нас идет много спектаклей на Поварской: играет «Пушкинский утренник», вышла премьера спектакля «К», в следующем сезоне выйдет «Каменный гость», Дмитрий Крымов замечательно стал работать на нашей сцене.

ИЗВЕСТИЯ: Если не принимать во внимание специфику и цели вашей театральной работы, то логика тех, кто пытается лишить вас здания на Поварской, окажется почти безупречной: если во главу угла поставить зрительский успех, эффективность и «продукт», ваш театр не окажется в лидерах.

ВАСИЛЬЕВ: А кто же скрывал от них, что я работаю таким образом? Кто скрывал, что я строю иной театр? Чиновники ведут себя непоследовательно.

Простой пример: мастерская живописца гораздо больше площадью, чем маленькое полотно, на котором живописец написал свое произведение. Но это не означает, что у живописца нужно все отнять и постановить, что он должен свое маленькое произведение создавать на столь же крохотной территории. То есть если спектакль идет два часа, то и репетирий его столько же, что ли? Ну что я должен говорить базовые вещи — серьезный спектакль должен репетироваться долго. Ведь в самой архитектурной идее здания на Сретенке заложена концепция нашего видения театра: изобилие классов для репетиций и тренировок и только две сцены. Строится театральный город, театральная лаборатория. Это записано и в здании на проектирование, и в акте приема. Модель такого театра отработана на Поварской.

ИЗВЕСТИЯ: Вам давали здание, зная, какова специфика вашего театра, каков ваш метод. А потом времена изменились, может быть, ваши позиции во властных структурах ослабли. И теперь выгодно сравнивать по простым позициям — в одном театре пять премьер в сезон, а в театре Васильева репетируют годами.

ВАСИЛЬЕВ: Да какими годами — это легенда! Разные бывают периоды, я могу ставить и за три недели. Но сама жизнь театра, его художественная жизнь, требует времени.

ИЗВЕСТИЯ: Может быть, дело даже не в злой воле неких лиц: просто тот способ театральной жизни, который вы утверждаете, противоречит экономическим и даже ментальным требованиям мегаполиса? Может быть, такой театр, как ваш, не рассчитан на то, чтобы выдержать конкуренцию, борьбу за жизненное пространство, которая происходит в больших городах, тем более в таких, как Москва?

ВАСИЛЬЕВ: Вы, наверное, правы. Но люди в правительстве должны как раз оберегать такие островки, которые, как вы верно сказали, противостоят общему течению жизни. Когда Юрий Михайлович в 2001 году на совещании по строительству настаивал: «Слушайте Васильева!» — я уверен был, что никто уже не посмеет покушаться на жизнь театра.

«И что, эмигрировать? За ненадобностью?»

ИЗВЕСТИЯ: С Ежи Гротовским у вас много общего — в методике, в понимании задач театра, того, каким он должен быть, как должен быть устроен. Но ведь он не пытался создать «театральный скит» в центре мегаполиса, а сделал это в маленьком местечке Понтедера.

ВАСИЛЬЕВ: Гротовский вынужден был бежать из Вроцлава, и его приняла Италия... Гротовский продолжал Станиславского. А я-то тем более, человек, на русском языке говорящий, получивший знания из рук ученицы Станиславского Марии Кнебель, я же тем более продолжаю эти идеи. И, может быть, нужно прямо сказать господам недоброжелателям и завистникам: «Я — наследник. Может быть, вас это оскорбит, но я говорю о простом факте: я рукопожатен служить театру Марией Кнебель. И я верен этому учению. И я имею право на верность, потому что я, один из немногих ее учеников, долгие годы был против нее. И я имею право спокойно заниматься тем, на что способен. Я имею право в свои 63 года, на последнем периоде своей жизни, сказать, что хочу наследовать

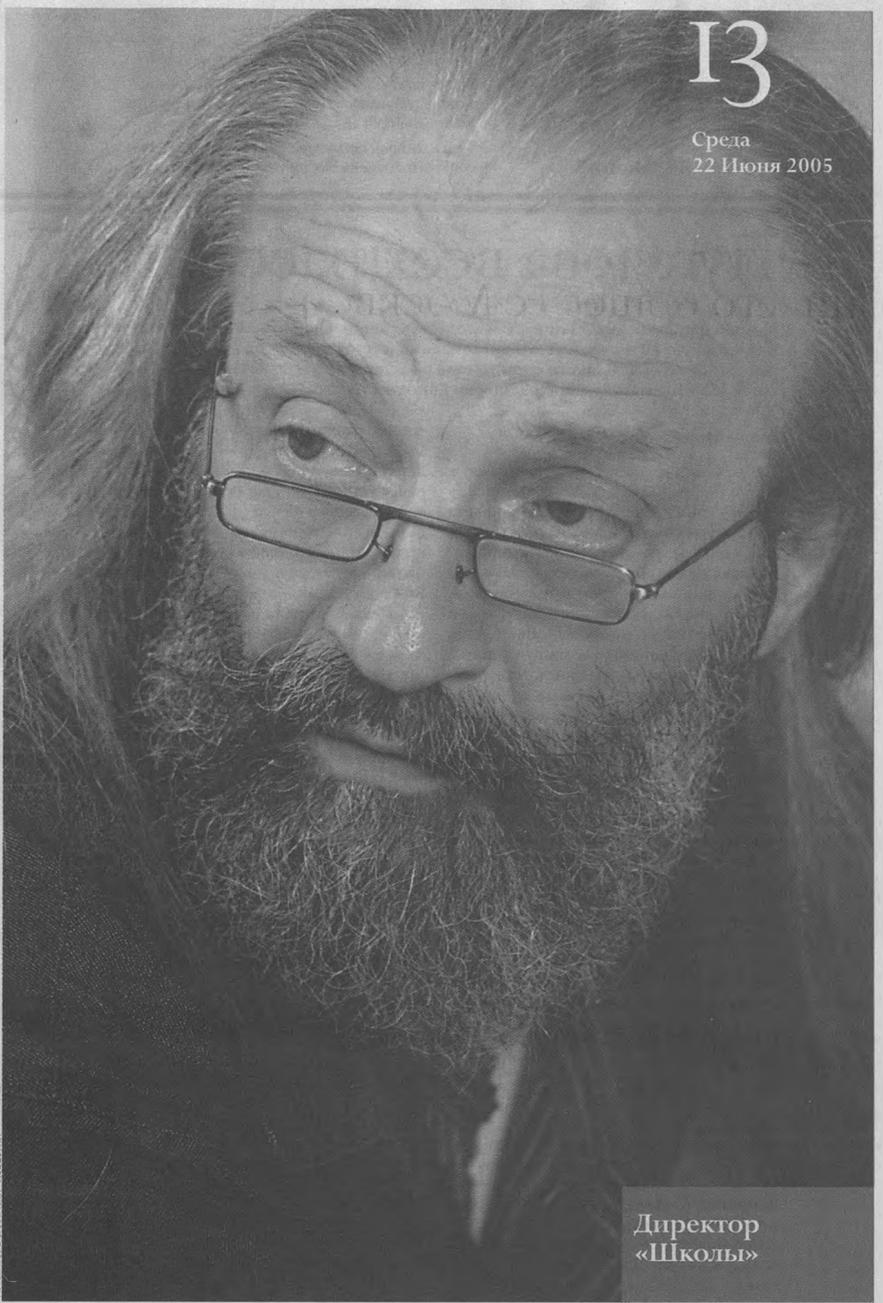

ФОТО ИГОРЬ ЗАМЛИНИН/ИЗВЕСТИЯ

Директор «Школы»

своему Мастеру, как мой Мастер наследовал Станиславскому. И так будет».

И вот какой совет я бы дал нашим чиновникам от культуры: поучитесь у советской власти. Конечно, хорошо, а не плохо. Конечно, искусство было идеологизировано. Но советская власть делала все для того, чтобы эта идеология была выражена качественно. Она назвала это стилем «социализма» и следила за тем, чтобы этот стиль был совершенен. Было много несвобод, но ведь, например, и у Товстоногова, и у Ефремова, и у Любимова была масса возможностей для самореализации, и об этом тоже не стоит забывать.

ИЗВЕСТИЯ: Вдруг вы, который так страстно вначале обличал власть, сейчас с тоской вспоминаете о том, как заведовали культурой прежние начальники...

ВАСИЛЬЕВ: Да с какой тоской! Я говорю совсем не об инструкторах по культуре, а о том, что русский театр всегда имел иные задачи, иную степень влияния в обществе, иное достоинство. Русский театр никогда не был таким, каким является сейчас! И, возможно, я один из немногих, кто напоминает, что театр может быть иным. Когда я работал за границей, там завидовали моим рассказам — какие у нас театральные условия, какие спальные труппы, как долго может длиться репетиционный процесс.

Но тогда власть была менсенамом по отношению к культуре. Она была и палачом там, где дело касалось идеологии, но и меценатом. В менсенастве она наследовала русской традиции терпеливого, внимательного, уважительного отношения к художнику. А новая власть, которая вроде бы дала свободу, пока этих качеств не унаследовала.

Я всегда знал, чем эта страна плоха — дорогами, нищетой, бандитизмом и уголовщиной. Но она хороша литературой, театром, словесностью, музыкой. Я был на этой стороне и знал, что моя русская страна очень хороша. И деятели культуры всегда имели покровителей, которые не гонили их, как хозяин мышей. Ведь подожженная культура не восстанавливается — она рушится и погибает. Потому что она — в живых людях.

Я всегда гордился тем, как у нас относятся к деятелям культуры. Но теперь я, как частный режиссер, как руководитель театра, как председатель Гильдии режиссеров России, вопию — нас ни в грош не ставят. Уничтожается театр в провинции. Провинция, которая так была богата талантами, так своеобразна по отношению к столице, — уничтожается. И дать подножку Васильеву — это дать подножку всему не московскому, не петербургскому, а провинциальному театру. И если меня, председателя Гильдии режиссеров России, можно вот так, запросто, размазать по стенке, то что говорить об остальных, менее известных? О тех, кому некуда податься — а я ведь могу принять предложение и уехать в Европу... Мне кажется, лозунг наших управителей: «Просто хочется мне кушать». Нами управляет постоянно голодное племя чиновников, не нажавшееся властью, силой, бесправием подчиненных...

А ведь в провинции и без того градоначальники-самодуры часто видят в театре только

привлекательное здание в центре города, в актерах — ничтожных лицеев, рабов, которым достаточно и трех тысяч в месяц. Я думаю, проблемы, с которыми столкнулся я, могли бы объединить многих — если не людей Москвы, то режиссеров и актеров провинции.

ИЗВЕСТИЯ: В Москве у вас немало коллег-недоброжелателей, и вы об этом знаете.

ВАСИЛЬЕВ: Я знаю, что у меня есть недоброжелатели, но в лицо я их не знаю: никто никогда мне открыто не оппонировал... Разве что Олег Павлович Табаков. А почему — не знаю. Ну да это пустое. Я пока существую от наката до отката (смеется).

ИЗВЕСТИЯ: Я думаю, еще один аргумент тех, кто планирует реорганизовать театр, таков: ваш театр существует «не для всех», но на деньги всех. То есть ваш театр не назовешь «общедоступным», но он существует на деньги налогоплательщиков.

ВАСИЛЬЕВ: Ну кто же говорит, что белый медведь должен жить в пустыне Сахара? Или что слоны водятся в ледниках? Разумеете зоологию? Разве можно мерить всех одной меркой, предъявлять всем одинаковые требования? Искусство вообще не для всех.

Если мы взяли в обиход слово «попса», почему не признать, что существуют и другие этажи культуры? И не подходить к театру, который представляю я, с железной меркой моего вкуса? Предпочтений? А что, «Боярыня Морозова» — «для всех»? А предмет массового интереса? Ну я ведь показываю свои спектакли и не в России — и везде потрясающий успех. Ну почему я должен об этом с энтузиазмом говорить? Мне совестно. И кто мне будет объяснять, какие спектакли я должен ставить, как привлекать публику? Уж не те ли, кто хочет мой театр реорганизовать? Что я, не вижу, как реагируют на спектакли те, кто приходит в зал? Что я, слепой, глухой, инвалид? Мертвец? Я что, за этим с того света наблюдаю, а не с этого? И что, эмигрировать? «Пора, мой друг, пора...» За ненадобностью? Оттого, что кто-то из «реорганизаторов» решил меня преследовать? Оттого, что некоторых коллег раздражают мои спектакли, мое поведение?

ИЗВЕСТИЯ: Вы действительно можете решиться уехать из страны?

ВАСИЛЬЕВ: А что здесь делать? Погибать? Ведь закончится эта история тем, что на мне не останется живого места. Я стал болеть. Вот сейчас я завелся — и все внутренности начали болеть. С того времени как я в «Комеди Франсез» выпустил спектакль «Амфирион» и меня начали преследовать, я стал сильно изнашиваться. И я невольно начинаю подумывать о реанимации. Там, где мой организм нужен.

Анатолий Васильев — ученик легендарного театрального педагога Марии Кнебель, ученицы Станиславского. Спектакли «Взрослая дочь молодого человека» (1979), «Серсо» (1985) и «Шесть персонажей в поисках автора» (1987) сделали Анатолия Васильева звездой мировой театральной режиссуры. В 1990 году Васильев получил премию Жюри критиков Европы «Новая театральная реальность» (этого приза были удостоены звезды мирового театра, такие как Роберт Уилсон и Джорджо Стреллер). В 1999-м Васильев был удостоен Государственной премии РФ за создание театра «Школа драматического искусства». В 2001 году театр Анатолия Васильева был принят в Союз театров Европы, в котором состоит еще только один русский театр — питерский МДТ под руководством Льва Додина.

Анатолий Васильев преподает в Лионе, он кавалер ордена литературы и искусства правительства Франции, почетный академик Французской академии изящных искусств.

Здание театра на Поварской московские власти хотят отдать проекту «Открытая сцена»

«Школа драматического искусства»: на два дома

В 1987 году решением исполкома Моссовета был создан театр «Школа драматического искусства». Ему отводилось здание бывшего кинотеатра «Уран» на Сретенке, в которое театр сразу не смог переехать, поскольку там находилась другая организация. Временно театру отвести полуподвал на Поварской. В конце 1992 года постановлением правительства Москвы театру было передано 3158 квадратных метров в здании на Поварской для репетиционной и образовательной работы. В 1995 году на Поварской открыли зрительный зал на 70 мест. Параллельно шла работа над проектом нового здания на Сретенке, реализация которого продвигалась медленно.

В 1999 году мэром Москвы Юрий Лужков принял решение построить за счет городского бюджета в Всемирной театральной олимпиаде здание театра «Школа драматического искусства» на Сретенке. К апрелю 2001 года здание было открыто, и в нем прошли многие спектакли, приглашенные на Театральную олимпиаду. В феврале 2002 года здание на Сретенке было достроено окончательно. В апреле 2002 года на заседании правительства Москвы было предложено рассмотреть вопрос о передаче здания на Сретенке театру «Мастерская П. Фоменко». Петр Фоменко от здания отказался, в защиту театра Васильева выступили многие театральные деятели.